

Д.С.Солодовникова,
аспирантка

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Исторический процесс показывает, что коммуникационные потребности людей обязательно вызывают потребность в создании наддиалектной формы языка. В свою очередь наддиалектная форма является предтечей письменного, литературного. Возникновение письменности всегда оставалось почти мистической загадкой в истории цивилизаций. У наших же предков возникновение письменности совпадает со временем принятия христианства.

Движение восточных славян на земли современного проживания датируется примерно VII в. Формирование племенных групп предполагало расселение по определенным землям и “прозвание” себя “от мест, на которых сели” [1, с. 29], т. е., как, например, отмечает А.Ф.Рогалев, “кривичами, дреговичами, радимичами сами народы стали в том ареале, где застают их летописец” [2, 78].

В этот период отмечаются так называемые “маркеры” культурных локализаций: разговорный язык (отчасти и литературный, так как существовала практика устной передачи сказаний), первые договоры, символы, используемые в ремесленных изделиях и даже в календаре (см., например, “Беларускі народны каляндар. Мн., 1993). По мнению О.Е.Трубачева, термины “буква”, “книга”, “писать”, “читать” существовали у славян задолго до принятия христианства.

Система воспитания и образования была включена в практику обрядов и табуирования, т. е. в механизм адаптации с окружающей средой, или, как выразился А.Афанасьев, через “сочувственное созерцание природы” [3, с. 22].

Любопытное замечание делает О.Трубачев: славянские “свой”, “свобода” подчеркивают принадлежность к этнической группе (в смысле полноправного состояния своего человека), в отличие, например, от литовского, означающего “дозволенность”, или германского “приятный”, “любовь” [4, с. 175—176]. Таким образом, как замечает ученый, в славянском варианте подчеркивается принадлежность к этнической группе. Кроме того, существование системы передачи накопленного опыта уже свидетельствует о том, что процессы социальной интеграции, пусть пока на уровне местных культов, шли достаточно интенсивно.

О.Н.Трубачев считает, что основа языка в ходе развития обязательно подвергается сублимации [2, с. 201]. Сублимацией же является и развитие верований человека от примитивных культов к развитой религии. Напомним, что в психологии этот термин, введенный Фрейдом, понимается как “психический процесс преобразования и переключения энергии аффективных влечений на цели социальной деятельности и культурного творчества” [5, с. 20].

Но в данном случае интересен даже не отдельный факт существования у восточных славян какого-то предъязыка, предписьменности. Восточно-христианская церковь и Византия не препятствовали, а даже способствовали созданию у обращенных ими в христианство народов своей письменности, развитию на этой основе народной культуры, переводу на местные языки богослужебных книг и даже отправлению церковных служб на этих языках вместо греческого [6, с. 9—10].

Черноризец Храбр в “Сказании о письменах” не только дает описание предыстории возникновения славянского алфавита (эллины свой язык-де собирали долго, начав с финикийских букв, “за много лет едва собрали тридцать восемь”, а славянские буквы и письмена сотворил один святой Константин, нареченный Кириллом, использовав греческие буквы и глаголицу), но и заявляет о необходимости

признания равноправного существования славянского языка наряду с латинским, греческим, еврейским. Объясняет свою позицию монах тем, что только Господь Бог, который создает все сущее, может решать судьбы появления или исчезновения языков, тем более, что до вавилонского столпотворения язык был един. Таким образом, отстаивается и право на существование самой нарождающейся славянской цивилизации.

Возможно, Храбр опирается на эпизод, произошедший с Константином (Кириллом), описываемый позже в “житиях”, посвященных жизни и деятельности Кирилла и Мефодия.

Прибыв в Венецию (около 866 г.), Константин в споре с местным духовенством обвинил его в том, что духовники “присвоили себе ключ разума” и что нежелающие признавать славянский язык сами не входят и желающих не пускают. “Как же можете вы признавать достойными только три языка, а все иные народы обречать быть глухими и слепыми!” [6, с. 32].

Причем спор о языках продолжался и после (в трансформированном виде продолжается и сегодня). Так, в эпоху Реформации на белорусских землях велся ожесточенный спор о языках преподавания. Часть православных деятелей культуры выступали за отрицание “латинской образованности”. В свою очередь П.Скарга заявлял об обмане “Руси” греками, которые, дав ей христианскую веру, не дали греческого языка. Подлинная наука и вера, по его мнению, возможны только при знании латинского и греческого.

“Повесть временных лет” так описывает начало распространения учености: “Посылал он (Владимир. – Д.С.) собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых” [1, с. 75].

Конфликтным моментом можно предполагать не то, что детей “насильственно отдавали в обучение”, а то, что в культурологической терминологии называется разрывом межпоколенной трансляции, изменением смысловой интерпретации основополагающих моментов жизнедеятельности, разрушением системы образов групповой идентичности. Ведь научившись письменной культуре, фиксирующей новые понятия, дети переходили в новую систему ценностей, теряли свою родоплеменную принадлежность, так как самоопределение по крови считалось язычеством, соответствующим племенному строю, который должен был пожертвовать своими устоями для включения в более крупную систему, не только экономически и политически более жизнеспособную, но и для расширения своего жизненного пространства, ареала общения, причем уже на уровне предварительного знакомства с иными культурами.

Разработкой новых каналов коммуникации занимались монастыри, где прежде всего и развивалось книжное дело. Письмо считалось богоугодным делом. Поразительный факт: уже через сто пятьдесят лет после создания славянского алфавита (и через тридцать—сорок лет после принятия христианства) делались переводы с греческого на славянский, к 1039 г. относится Древнейший летописный свод, к 1037 г. проведены кодификационные работы, составившие основу “Русской правды”, составляются энциклопедические сборники с комментариями (1073), содержащие такие понятия, как “сущность”, “различие”, “количество”, “качество” и другие, а в “Слове о законе и благодати” (1049) сподвижник Ярослава Мудрого, митрополит Иларион обращается к читателям: “Ведь не к несведущим пишем мы, но к преизобильно насытившимся сладостию книжной” [7, с. 157]. Невольно вспоминаешь слова О.Н.Трубачева: «... слово “писать” “не только ниоткуда не заимствовалось, является исконно славянским, даже индоевропейским, а

главное – оно всегда значило “писать”, то есть ... буквально – “писать знаки, которые затем можно прочесть, поняв их смысл» [9, с. 29]. Необыкновенно яркое и страстное сказание черноризца Храбра “О письменах” заканчивается словами: “Так разум, братья, Бог дал славянам...” [10, с. 137—139].

Любопытную трактовку слова “разум” дает В. Даль в “Толковом словаре...”: “Разум ...духовная сила, могущая помнить, судить... и заключать; способность верного последовательного сцепления мыслей от причины, ее следствий и до цели, конца, особенно в приложении к делу” [8, с. 53].

Таким образом, принятие христианства и приход письменности на славянские земли окончательно оформили определенный этап создания единой славянской культуры, уходящей своими корнями в глубь веков, этап собирания воедино как на основе создания единых коммуникационных каналов, так и межгосударственных институтов. Кроме того, именно о времени VIII—IX веков мы можем говорить как об отправной точке формирования единого смыслового пространства славянской цивилизации.

---

1. *Повесть* временных лет: Изборник / Сост. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачев. — М., 1969.

2. *Рогалев А.Ф.* Этнотопонимия Беларуси (на фоне белорусской истории. — Гомель, 1993.

3. *Афанасьев А.* Древо жизни // Изб. статьи / Подгот. текста и комментарии Ю.М.Медведьева. — М., 1982.

4. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. — М., 1991.

5. *БСЭ.* — Т. 25. — М, 1976. — С. 197.

6. *Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуки. — М., 1963.

7. *Слово о законе и благодати митрополита Иллариона*// Альманах библиотеки. — М., 1989. — Вып. 26.

8. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1980. — Т. 4.

9. Трубачев О.Н. В поисках единства // Прометей. — М., 1990. — Вып. 16.

10. О письменах черноризца Храбра // Русская азбука в инициалах XI—XVI вв. — М., 1998.

А.И.Солохина,

доцент

Н.А.Волынец,

ст. преподаватель

ЗНАЧЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ШПАЛЕРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ XII—XIX вв.

Художественный текстиль занимает одно из центральных мест в декоративно-прикладном искусстве Беларуси. Современные белорусские художники декоративно-прикладного искусства, которые создают гобелены, ковры, текстильные композиции, используют в своем творчестве богатое наследие узорного ткачества, искусство старинного белорусского ковра. Ткачество как самый древний вид белорусского народного искусства существует много столетий.

До нас дошло небольшое количество старинных художественных тканей. Находки прялок, обрывков тканей, фрагментов льномялок, ткацких станков при раскопках старинных городов Полоцка, Гродно, Турова и других доказывают существование ткачества на всей территории Беларуси и подтверждают сведения о высоком техническом уровне художественного текстиля в X—XIII вв. Художественный текстиль относился к развитым ремеслам и полностью обеспечивал домашние нужды жителей на территории Беларуси.